

© 2022

Михаил Воейков

доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором политической экономики Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: mvok1943@mail.ru)

ГОСУДАРСТВО, РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи государства, рыночной экономики и гражданского общества. Показывается, что в настоящее время государство превратилось в активного экономического актора, все больше охватывая своим влиянием различные сферы жизнедеятельности общества и прежде всего экономику. По этой причине рыночная экономика сужается, отступая на задний план. Растет влияние гражданского общества, которое преодолевает рыночную стихию и делает государство демократичным. Таким образом, современное демократическое государство можно рассматривать как институт гражданского общества. Важное значение для современного понимания гражданского общества имеет развитие производственной демократии и так называемого «социального корпоративизма». Последние становятся необходимыми частями современного гражданского общества.

Ключевые слова: государство, рынок, рыночная экономика, гражданское общество, производственная демократия, социальный корпоративизм.

DOI: 10.31857/S020736760022706-5

Многие исследователи уже достаточно давно отмечают значительный рост государства и его ключевую роль в экономическом развитии. Можно привести мнение американского либерал-консерватора Р. Хиггса, который пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [16. С. 9]. Можно также приводить много цитат западных ученых, где говорится о росте экономического влияния государства, что стало почти общим местом многих книг западноевропейских исследователей [см. подробнее: 4]. Но приведем обобщающий вывод Дж. Стиглица. Он пишет: «то, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [13. С. 11]. Государство стало мощным регулятором нашей повседневной жизни и, конечно, прежде всего регулятором экономики.

Обычно используют понятие «государство» в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле под «государством» понимается население, размещающееся на определенной территории и экономически, политически и организационно (административно) оформленное в единый социоэкономический и политический организм. В узком смысле под «государством» обычно понимают

правительство страны и правительственную власть (законодательную, исполнительную и судебную) по управлению данным социоэкономическим организмом. В этом смысле государство рассматривают как политическую надстройку над экономическим базисом. Такова, например, классическая марксистская концепция государства.

В феодальном обществе под «государством» чаще всего понимался государь и его власть. Отсюда известная фраза французского короля: «Государство — это я». В этом случае государство рассматривалось только как политическая надстройка, и главная задача государства сводилась к укреплению своей собственной власти путем сбора налогов и вооруженного отстаивания этой привилегии. Развитие производства, просвещения, здравоохранения не являлось задачей государства. Последние две функции, как правило, отводились церкви. В этом случае государство выступало только как политический институт, лишь косвенно и очень отдаленно влияющий на экономику. Но современное понимание государства появляется с XVII века, когда начинает развиваться капитализм и буржуазное общество.

Буржуазная демократия и избираемость главы государства расширили понимание государства как не только правительства страны, но и как всего социально-экономического организма, включив туда все население. Это породило две взаимоисключающие тенденции в теоретической трактовке государства. Одна, либеральная, которая минимизирует роль государства и в пределе своем сводит ее к функциям «ночного сторожа». Другая, которую можно назвать институциональной, полагает, что государство призвано выполнять и существенные функции в экономике.

Эта дискуссия пронизывает почти всю литературу XX века, посвященную социально-экономическим проблемам развития общества. Любопытна в этом отношении и дискуссия среди отечественных политэкономов советского периода об экономической роли государства. Ортодоксальный марксизм, который одним из своих источников имел европейский либерализм, считал, что развитие социализма должно вести к ликвидации государства как аппарата политического насилия. Отсюда делался вывод, что уже в советский период некоторые функции государства должны замещаться органами самоуправления и свободной самодеятельностью масс. Противоположная группа отечественных политэкономов, соглашаясь в принципе с такой возможностью в далекой перспективе, указывала, что в советский период возрастает именно экономическая роль государства, ибо государство выступает как основной субъект экономических отношений.

Так, например, Л.И. Абалкин писал: «Деятельность государства как экономического центра совершается непосредственно в сфере экономического базиса общества и составляет его собственный момент» [1. С. 33]. Примерно также писал и Н.А. Цаголов, что социалистическое государство есть «элемент базиса, ибо оно является собственником предприятий, производящих и реализующих свою продукцию в качестве товара» [17. С. 41]. Сторонники противоположной точки

зрения считали, что государство есть просто политическая надстройка. Отвечая им, Л.И. Абалкин писал, что они «отрывают вопрос об экономической деятельности социалистического государства от исследования реального процесса обобществления производства. Экономическая роль государства – продукт обобществления производства. С развитием разделения труда, с усложнением хозяйственных связей, с усилением взаимозависимости различных элементов народного хозяйства появляется и осуществляется необходимость государственного регулирования экономической жизни» [1. С. 47–48]. И эти экономисты оказались правы. Обобществление производства вынуждает государство все больше вторгаться в экономику даже в западных странах.

В России за период горбачевской перестройки и последующих трансформаций 1990-х гг. о государстве и его роли в экономике написано много уничтожительных текстов. Самые лучшие публицисты и ученые соревновались друг с другом чтобы оплевать свое собственное государство, развалить его, или хотя бы принизить. В исходной точке критика в адрес советского государства была в чем-то оправдана, ибо тогдашнее государство было чрезмерным государством, не оставляло никакой возможности для проявления гражданской и экономической инициативы, тотально опекая все общество в целом и каждого его члена в отдельности.

В этой связи справедлив и оправдан был начавшийся тогда, в начале 1990-х годов, процесс разгосударствления многих сторон общественной жизни и прежде всего жизни экономической. Однако дело кончилось низведением государства до положения «ночного сторожа», но, видимо, в силу российских традиций, плохо оплачиваемого, плохо вооруженного и, главное, бестолково инструктируемого. В современном мире такое отношение к государству представляется самоубийственным. По крайней мере по двум крупным основаниям Россия должна отказаться от такого уничтожительного отношения к собственному государству.

Первое – это геополитические особенности и исторические традиции России. С древнейших времен Россия формировалась как все более укрепляющееся государственное образование. Раздробленность на отдельные княжества (графства или герцогства), что было типично для развития Европы, в России довольно быстро была преодолена, и постепенно шло создание весьма централизованного государства. Иначе, видимо, Россия не сохранилась бы как великая держава. Соответственно, все или почти все существенные начинания, реформы, изменения осуществлялись как инициатива верховной власти, из одного центра. Даже развитие промышленности, начиная с реформ Петра I, шло по инициативе государства, в форме государственной промышленности.

Второе – современный опыт развитых западных стран. Еще Людвиг Эрхард в 1955 г. замечал, что «современное и сознающее свою ответственность государство просто не может себе позволить еще раз вернуться к роли "ночного сторожа"» [19.

С. 226]. В настоящее время все экономически развитые страны мира демонстрируют все возрастающую долю государства в распределении валового национального продукта. Так, по имеющимся данным, в таких странах, как Швеция, Норвегия, Нидерланды уровень государственных расходов составляет более 50% ВВП, при среднеевропейском уровне в 40–45%. В России этот показатель составляет с начала 1990-х гг. примерно 30%, что является одним из самых низких показателей в мире. В таких условиях не может сохраниться государство, достаточно сильное для проведения серьезной и успешной модернизации.

Оптимальная стратегия экономического развития должна базироваться на трех принципах или элементах: народно-хозяйственном планировании; рыночном саморегулировании и политической демократии, что обеспечивает гражданское общество. Именно должное сочетание этих трех элементов и дает в комплексе оптимальную стратегию. Можно отметить, что такое сочетание этих трех принципов до сих пор не было свойственно известным нам типам экономик. Так, советский тип экономического порядка предусматривал систему жесткого народно-хозяйственного планирования с очень небольшой (минимальной) долей рыночного саморегулирования (в части распределения товаров народного потребления и натурализации безфондового обмена средствами производства) и с полным отсутствием политической демократии. Говорить о гражданском обществе в нашей стране в советский период почти невозможно. Экономически развитые страны Западной Европы, наоборот, имеют достаточно эффективное рыночное саморегулирование и действенное гражданское общество (политическую демократию), но очень слабо используют народно-хозяйственное планирование. Исключение составляют лишь экстремальные периоды, когда государственное регулирование экономики весьма близко подходило к экономическому порядку народно-хозяйственного планирования.

Россия сегодня также находится в экстремальной ситуации, и уже поэтому оправдано здесь и сейчас использовать народно-хозяйственное планирование как мощный рычаг экономического развития. Кроме того, планирование в России имеет давние традиции и, в силу характерных особенностей российской индустрии, является наилучшей формой государственного регулирования экономики. Отказ от народно-хозяйственного планирования привел к расчленению экономики, разрушению экономических связей, развалу народно-хозяйственного комплекса. Например, становится совершенно ясно, что неконтролируемый рост железнодорожных тарифов, не увязанный с общими пропорциями народного хозяйства, приводит сегодня к такому положению, при котором Дальневосточные регионы России будут экономически примыкать не к Центральной России, а к другим странам (Китай, Корея, Япония). Отсутствие народно-хозяйственного планирования приводит к серьезным перекосам в соотношении многих взаимосвязанных элементов экономики. Л.И. Абалкин в 2010 г. специально написал статью с названием: «Страну спасет плановое хозяйство». В этой статье он показывает и доказывает, что стране «нужны сейчас

элементы планового хозяйства». И вот, в частности: «Анализ исторических уроков преобразований дает основание сделать очень важный вывод. Он показывает, что только сочетание плановых начал с инструментами рынка и активизацией человеческого фактора способны принести успех» [2. С. 35].

Речь, конечно, не идет о восстановлении того самого, директивного планирования, которое предусматривало планирование производства каждой гайки из одного центра. Надо сказать, что такого сверхжесткого планирования практически у нас и не было (может быть, исключая годы войны и некоторые другие периоды мобилизационной экономики). Уже в последние годы существования СССР (примерно с 1988 г.) советское народно-хозяйственное планирование было намного более мягким и гибким (вспомним, например, госзаказ). Восстановление народно-хозяйственного планирования может и должно осуществляться в различных формах: как прямое директивное планирование на первых порах экономической стабилизации и по строго ограниченному кругу товаров (возможно, в виде госзаказа), как индикативное планирование по широкой массовой номенклатуре, как планирование в виде программ (особенно для отдельных отраслей и отдельных территорий). Возможны и другие виды народно-хозяйственного планирования.

Главное во всем этом деле — не сводить все народно-хозяйственное планирование к какому-то одному его виду. Многим понятно, что сегодня нельзя восстанавливать директивное планирование во всем его объеме. Но многие экономисты уповают на всеобщность индикативного планирования. Однако это не должно отрицать в необходимых случаях программно-целевое планирование, векторное планирование, вкуче с директивным планированием. Словом, без серьезного отношения к восстановлению народно-хозяйственного планирования с обновленными формами и методами добиться модернизации народного хозяйства страны просто невозможно.

Но при этом нельзя отбрасывать и рыночный механизм. Суть рыночного механизма, как известно, состоит в соизмерении затрат по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, — той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров достигают максимальных преимуществ, а худшие в конце концов выводятся за пределы хозяйственного процесса. Здесь нет застоя. Каждый непосредственно ощущает возможности существенного роста материального благосостояния или его резкого снижения в прямой зависимости от своего труда и результатов своего производства. Это элементарный рыночный механизм, а соревнование или конкуренция (что для рынка более адекватно) — его главный стержень. Вместе с тем не следует переоценивать возможности рыночного механизма. В долгосрочной перспективе его воздействие весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных

сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т.п.).

В современном мире мы можем наблюдать весьма диалектический процесс симбиоза рынка и планирования. Там и тогда, где рынок отстывает, эти ниши заполняют определенные формы планирования (например, военное производство, космические программы, природоохранные мероприятия и т.д.). Но в производстве, ориентированном на массового потребителя, полностью господствует рынок, планирование здесь может выполнять только очень косвенную роль. Так или иначе, но планирование и рынок в современном мире совмещаются, хотя и не без проблем.

В научной литературе достаточно часто обсуждается вопрос о совместимости демократии, демократического общественного устройства и рыночной экономики, что в обобщенном виде обычно называют либеральным капитализмом. Капитализм — это не когда рынок существует в обществе, выполняя некоторые подчиненные функции, а когда он становится господствующим, определяя характер и тип общества, когда рынок возвышается над государством, которое превращается просто в «ночного сторожа». И встает вопрос о совмещении «рыночной» демократии с подлинной демократией, когда все члены общества имеют равные права на материальное благополучие и высказывание своего индивидуального мнения. Демократия для одного (немногих), частная демократия, купленная за большие деньги, не есть всеобщая, подлинная демократия. Значит, можно говорить, по крайней мере, о двух типах демократии: подлинной или всеобщей демократии и «рыночной» демократии капиталистического общества. «Капитализм, — пишет известный западный экономист Л. Туроу, — предполагает лишь одну цель — индивидуальный интерес и максимальное личное потребление. Но жадность отдельного человека попросту не является целью, способной удержать общество вместе на сколько-нибудь долгое время» [15. С. 306]. Таким образом, «рыночная» демократия, когда рынок отодвигает государство на задворки общества, служит обогащению отдельных лиц и расколу общества, а подлинная демократия как раз посредством государства служит материальному благополучию большинства людей и сплачивает общество.

Понятие демократии, как хорошо известно, означает власть народа. Конкретных определений демократии имеется множество, но для примера приведем определение демократии, которое дает Й. Шумпетер: «Философия демократии XVIII века может быть определена следующим образом: демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнить его волю» [18. С. 332]. Уже из этого определения становится понятным, что подлинная

демократия и рынок несовместимы, ибо рынок предусматривает частное, индивидуальное благо, а не общее, которое выражается посредством государства.

Либеральные экономисты постоянно педалируют вопрос о том, что демократия и рыночная конкуренция являются неперенными составляющими для успешного экономического развития, — лишь используя именно частное благо и индивидуальный интерес, экономика получает максимальное и эффективное развитие. Иными словами, демократия и рыночная экономика по этой логике — почти одно и то же. Например, Л. Мизес прямо так и пишет: «Рынок является демократией, при которой каждое пенни дает право голоса... Представительная власть народа является попыткой организовать конституционное устройство в соответствии с моделью рынка» [10. С. 216]. И действительно, в начальный период становления капитализма и буржуазного общества было примерно так. Рыночная экономика только при буржуазной демократии способствовала определенному экономическому прогрессу. Рынок требует демократического устройства общества, которое, в свою очередь, способствует успешному развитию экономики. Исторически рынок появился раньше буржуазной демократии (если не брать гражданскую демократию античности), но потребовал ее как свою объективно необходимую форму существования и развития. Но стоит отметить, что буржуазная демократия — это не «один человек — один голос», а «один доллар — один голос». Это важное свойство рыночной, или буржуазной, демократии, но это не есть всеобщая демократия.

В начальный период своего существования рынок, по сравнению с феодальным обществом, конечно, был большим шагом в социальном прогрессе. И для тех условий можно вполне согласиться с В. Долфсмой, что «функционирование рынков способно привести к увеличению благосостояния и благополучия» [5. С. 23]. И в свое время это был гигантский прогрессивный шаг вперед. Ибо в центре общественного устройства находилась не наследственная власть феодалов, а личные успехи, достижения частных лиц. И именно рыночная экономика создала механизм общественного прогресса, в основе которого лежала демократия денег, денежное могущество. Так, демократия для рынка, рыночная демократия (можно ее также назвать буржуазной демократией) в свое время обеспечила колоссальный прогресс общества. Но в основе этого прогресса лежало экономическое неравенство — так это было.

И либеральные экономисты до сих пор выступают за сохранение экономического неравенства. Так, Л. Мизес пишет: «Неравенство доходов и богатства свойственно рыночной экономике. Его устранение полностью разрушило бы рыночную экономику». И еще: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своем распоряжении тот

совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» [9. С. 788]. Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а следовательно, и инвестиций в развитие экономики. К слову сказать, по показателю экономического неравенства Россия в настоящее время занимает одно из первых мест в мире, а частных инвестиций в экономику почти нет.

Конечно, рынок представляет собой наиболее эффективный механизм экономического развития. Рынок есть хороший калькулятор экономической эффективности. И, наверное, именно в этом состоит его единственная ценность. Проблема заключается в том, чтобы этот калькулятор работал исправно, не искажался. То есть другие социальные ценности не должны вводиться внутрь этого калькулятора, и не следует ожидать, что рынок должен давать еще что-то, кроме экономической эффективности. Поэтому утверждение некоторых экономистов о так называемом «провале рынка», когда он игнорирует социальные ценности, следует считать некорректным. Социальные ценности привносятся в социально-экономическую сферу через сознательно вырабатываемую и сознательно проводимую политику государства. То есть государственная политика заменяет рынок, вытесняет его. Рыночный механизм самодействия может функционировать без всякой политики, и с точки зрения экономической эффективности он достигнет высоких результатов. Для него не нужно никакой политики, даже экономической. Отсюда стремление либеральных экономистов ограничить или максимально снизить экономическую роль государства, или, как они пишут, «минимизировать государство». Государственная экономическая политика в любом вопросе ограничивает рыночное самодействие, сужает рынок. Тем более это относится к социальной политике, которая в пределе своем стремится к уничтожению рынка или, по крайней мере, к сильному его ограничению.

Таким образом, сам по себе рынок есть объективная необходимость экономического процесса. Это бесспорно. В России в конце 1980-х и начале 1990-х годов много говорили о необходимости перехода к рыночной экономике, о продолжении рыночных реформ, подчас вкладывая в это утверждение самое различное содержание. Рынок дает эффективность, но убивает социальность. Социальность и социальные цели безразличны рынку, он к ним невосприимчив. Рынок сам по себе никаких социальных ценностей не преследует и даже не ставит.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок определяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося

рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [11. С. 13–14]. Или вот другое высказывание другого западного экономиста: «Для того, чтобы достичь социального равенства и справедливости, мощности рыночного механизма должны быть дополнены основными социальными возможностями» [12. С. 166].

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведет к возрастанию жесткости регулирования рыночного механизма. Еще в начале XX века М.И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяйства и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [14. С. 85]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т.д.) цели развития. Значит, возрастает роль планирования развития, т.е. сознательного, осмысленного государственного регулирования социально-экономического процесса.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической науке. Здесь экономика не сводится только к рынку, а охватывает широкое поле человеческой деятельности, где экономический принцип соизмерения затрат и результатов продолжает иметь значение. Затраты и результаты деятельности могут выражаться не только в деньгах, но в экономии времени, усилий, получении большего удовольствия и благополучия, т.е. в приращении общественной полезности. Здесь можно вспомнить известное высказывание К. Маркса, что «всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени» [8. Т. 46, ч. 1. С. 117].

Государство, государственная политика и являются тем, кто будет ограничивать монополизацию рынка, сохранять демократию. Нужно государство с его антимонопольным регулированием. И тут возникает парадокс: чтобы сохранить конкуренцию и демократию экономического процесса, нужно подавить (или ограничить) свободное рыночное саморегулирование. Демократия требует сложных процедур выработки решений, большую бюрократию. Все это снижает экономическую эффективность. Либеральная рыночная экономика в конце

концов ведет к свертыванию демократии. Ибо демократия по критериям рыночной экономики неэффективна. Похоже, что это положение начинают разделять многие в западной литературе. Например, Д. Макки пишет следующее: «Хотя демократизация является основной тенденцией в современном мире, в американской политологии доминирует мнение, что демократия хаотична, произвольна, бессмысленна и неосуществима» [7. С. 272]. Действительно, в рыночном обществе подлинная демократия бессмысленна. Это также означает, что сама по себе демократия входит в противоречие с рынком. Т.е. рынок ведет к подрыву демократии. Пример Китая нам показывает, что для успешного экономического развития рыночной экономики демократия и не нужна. Значит, государство может действовать двояко: или ограничивать рынок для развития демократии, или использовать рынок для наращивания экономического потенциала и повышения экономической эффективности без демократии.

Говоря о государстве, демократии и их взаимодействии с рынком, нельзя обойти вопрос о гражданском обществе, который стал ныне модным и весьма обсуждаемым. Дело в том, что понятие «гражданское общество» — довольно темное и расплывчатое. И, естественно, мы путаемся в определениях. Например, некоторые заговорили о церкви как об институте «гражданского общества». Но церковь — это институт средневекового общества, а не гражданского. Не следует забывать, что некоторые понятия о гражданском обществе появляются лишь после эпохи буржуазных революций, с переходом к эпохе «модернити». Церковь расцвела в эпоху абсолютных монархий и никакого отношения к понятию гражданства и, соответственно, к гражданскому обществу не имеет.

Вот тут и кроется корень путаницы вокруг понятия «гражданского общества». С нормальной точки зрения, все граждане республиканского общества и составляют гражданское общество без всяких кавычек. Демократия для всех одна и одна на всех. Все члены демократического общества имеют равные права и равную ответственность и в равной мере являются членами своего гражданского общества. Конечно, возможно выделение каких-то особых групп или слоев людей в этом обществе, которые лучше и глубже других понимают насущные проблемы общества и умеют лучше их выразить и представить. И вот эти группы людей у нас стали называть «гражданским обществом» в кавычках. В первом случае, можно говорить о гражданском обществе в широком смысле слова, во втором — в узком, в кавычках.

Гражданское общество появилось, если не брать Аристотеля и т.п., в трудах европейских мыслителей времен французской революции. И тогда, т.е. до революции, не разделялись, собственно, государь и государство. Считалось, что французский король и есть французское государство. Лишь после революции появилось Национальное собрание, Национальная гвардия, Национальная библиотека и т.д., то есть стало формироваться самосознание нации. Появилось гражданское общество в широком смысле слова, как граждане одной

страны. А узурпация власти в стране каким-либо диктатором или группой лиц порождает «гражданское общество» в узком смысле слова как силу, противостоящую недостаточно демократической власти.

Например, наши российские цари тоже считали, что русское государство — это они сами, их собственная вотчина, их Императорский дом. Даже национального флага не было в царской России. Был лишь императорский штандарт. Перед революцией 1917 года при царском дворе тоже интересовались, что говорят в «обществе». Но под обществом они понимали не то, что говорят на заводах, фабриках или в казармах, а то, что говорят в петербургских или, в крайнем случае, московских салонах, затем в Государственной Думе и еще кое-где. То есть для царской России был императорский двор как государство и великосветские салоны как общество. И было противостояние: императорский двор — это государство, салоны — это общество. Но великосветские салоны не есть гражданское общество в современном понимании.

Также можно оспорить иногда встречающееся мнение, что гражданское общество не занимается политикой. Если оно не занимается политикой, оно вообще не гражданское общество. «Гражданское общество» — это институт как раз борьбы за власть, за какие-то властные решения, за какую-то определенную политику. Если есть активное «гражданское общество», это означает, что существующее общество, народ недовольны проводимой государственной политикой и противопоставляют ей что-то свое, что можно расценивать как общее благо. Значит, с точки зрения народа, граждан, проводимая социально-экономическая политика не отвечает интересам всех граждан, общему благу. Поэтому, естественно, «гражданское общество» — это политический институт. Поэтому церковь никак не вмещается в эту систему гражданского общества, потому что она политикой не занимается — так же, как общество садоводов-любителей или филателистов.

В принципе, если бы государство было демократическим, то гражданское общество сливалось бы с ним: гражданское общество растворяется в демократическом государстве. Или, как писал П. Бурдьё, «Понимание государства как совокупности организованных определенным образом людей, выдающих мандат государству, — это уже неявно демократическое понимание гражданского общества» [3. С. 101]. Если, скажем, власть хорошо решает все проблемы с инвалидами, все социальные программы делает продуманно и хорошо, зачем нам плодить еще какие-то организации, которые будут как-то помогать или мешать этой власти. Этого не надо. В демократическом государстве все имеют право выбирать государственные органы, властные структуры, которые отчитываются перед народом и которые выполняют волю народа. Это нормальное демократическое государство. И в данном случае, т.е. в случае демократического государства, гражданское общество сливается с государством. Или, говоря точнее, демократическое государство становится институтом гражданского общества.

Правда, существует и точка зрения, что государство и гражданское общество — вещи разные. Так, Д. Кин пишет: «Введенное в XVIII веке разграничение гражданского общества и государства должно задавать тон современной политике и вместе с тем само должно соотноситься с ней» [6. С. 23]. Но разъяснение, которое дает этот автор, никак нельзя признать удовлетворительным. Он пишет: «В условиях этого распределения власти при демократии государственные деятели и институты постоянно вынуждаются уважать, защищать и делить власть с гражданскими деятелями и институтами — равно как гражданские лица в охраняемом государством неоднородном и состоящем из сложной “сети” институтов гражданском обществе также побуждаются признавать социальные различия и делить друг с другом власть» [6. С. 27]. Не очень понятно, что такое «гражданские деятели»: если это члены парламента страны, то естественно, что государственные деятели (например, министры) не только их уважают и прислушиваются к их мнению, но и утверждаются парламентом. И естественно, что члены парламента также подчиняются государственному закону, как и все обычные люди. Но законы принимает парламент страны. Поэтому в демократическом государстве нет расхождений между гражданским обществом и государством — последнее становится институтом первого.

Расхождение между государством и гражданским обществом появляется только тогда, когда появляется авторитарная государственная власть и есть необходимость как-то противостоять этой власти. В демократическом государстве гражданское общество более зрелое, и государственное устройство более демократическое. Чем сильнее гражданское общество, тем мудрее государство. Потом они растворяются одно в другом.

Есть еще один элемент гражданского общества. Это политическая демократия, и прежде всего — на производстве, что обычно не принимается в расчет при составлении различного рода экономических программ. Между тем любая экономическая программа должна предусматривать политический механизм ее осуществления. Программа должна быть институализирована, то есть содержать набор организаций, групп лиц, социальные слои, политические интересы, которым эта программа соответствует и на которые она рассчитана. Иначе трудно понять, кто и как данную программу собирается претворять в жизнь, чьим интересам эта программа будет служить. В принципе, нормальная стратегия гражданского общества предусматривает не просто обычную парламентскую демократию, а особого рода производственную демократию — то, что можно определить как социальный корпоративизм при сильном государственном патернализме.

Сегодня в России весьма модной темой стало социальное партнерство. Многие либерально настроенные авторы полагают, что “внедрение” у нас социального партнерства будет способствовать достижению социального согласия и стабилизации. Конечно, никто не возражает против согласия и стабилизации.

И социальное партнерство само по себе вещь хорошая. Но речь идет о модернизации России с ее традициями и особенностями. Следует учитывать российские реальности, где более 70 лет развивалось не партнерство между трудом и капиталом, а социальное обеспечение всех трудящихся со стороны государства, государственный патернализм. Плохо это или хорошо, но в России выросло несколько поколений, которые привыкли считать, что государство должно обеспечивать каждого трудоспособного человека работой, жильем, образованием, медицинской помощью. Назовем эту систему государственным патернализмом и зададимся вопросом: не является ли социальное партнерство в российских условиях очередной иллюзией, которая рано или поздно рассеется от соприкосновения с российской действительностью?

Сейчас трудно прогнозировать развитие ситуации с социальным партнерством на длительную перспективу. Пока у нас нет реальных субъектов социального партнерства: независимых работодателей и трудящихся, объединенных в независимые профсоюзы, которые бы выступали в трудовых отношениях как равносильные партнеры. В реальности и работодатели, и трудящиеся почти в равной мере зависят от государства, которое, как и раньше, выступает в качестве не только органа, законодательно определяющего и регулирующего трудовые отношения, но и в качестве основного работодателя.

Никуда не уйти от того факта, что государство долгие годы было у нас единственным нанимателем и потому стремилось к всестороннему патернализму по отношению ко всем трудящимся. Зачастую этот патернализм переходил разумные пределы, превращаясь, по существу, в тоталитаризм. Однако, в разумном государственном патернализме и трудящиеся в своей массе видели рациональный смысл. В этой связи следует трактовать и предназначение советских профсоюзов, которые не являлись стороной, противостоящей нанимателю рабочей силы – государству в лице администрации предприятия. Наоборот, профсоюзы выполняли функцию, отвечающую духу и букве патернализма внутри трудовых коллективов.

Таким образом, проблема заключается не в том, чтобы на место государственного патернализма «внедрить» зарубежную новинку «социальное партнерство», а в поддержании и развитии того, что уже есть и пробивается в жизни. Для сегодняшних российских условий это – государственный патернализм, сдерживаемый корпоративизмом трудовых коллективов и реальной демократией для каждого работника на производстве.

На вопросе корпоративизма трудовых коллективов или социального корпоративизма, как достаточно новом и имеющем важное значение для дальнейшего развития производственной демократии, следует остановиться особо. От того, кто будет основным субъектом хозяйствования в России, во многом зависит и реально осуществимая экономическая стратегия. Ибо этот основной субъект хозяйствования в конечном счете будет сам выбирать и осуществлять ту стратегию экономического развития, которая наилучшим образом ему подходит.

С начала 1992 г. официальный курс российского правительства был направлен на выращивание частного предпринимателя как основного субъекта экономического процесса. С этим была связана и приватизация. Однако до сих пор на российском рынке не появился серьезный массовый частный предприниматель. И надо думать, что такой массовый предприниматель никогда не появится. Ведь наделение массы людей мелкими акциями отнюдь не делает их реальными собственниками и предпринимателями. Во всех экономически развитых западных странах 70–90% трудоспособного населения работают как наемные работники, а не как собственники. Крупные российские промышленные предприятия просто не по карману какому-то одному частному лицу, если приватизацию проводить по реальной стоимости этого предприятия.

Другое дело — создание акционерных обществ, объединяющих несколько организаций и выступающих на рынке как крупная фирма. Но, опять же, в этих обществах (фирмах) главным субъектом будет не какое-то одно частное лицо, а некий коллектив с представителями администрации предприятия, государственных органов и трудового коллектива. Последний элемент для российских условий в силу исторических традиций и современного положения имеет особое значение. Этот симбиоз, думается, и будет выступать главным субъектом на настоящей стадии российского хозяйствования. Причем основными сторонами здесь являются администрация предприятия и трудовой коллектив.

Создается определенный тип трудовых отношений, который обычно определяется понятием корпоративизм. Это предполагает инкорпорацию трудовых и других конфликтов в социальные институты, которые позволяют оптимальным образом реагировать на рыночные требования. Администрация в этом случае выполняет роль координатора различных интересов и способствует достижению соглашения внутри корпорации. Такая корпорация выступает в экономическом процессе как достаточно сплоченная единица, способная отстаивать свои собственные интересы. Представляется, что подобного рода корпорации будут выступать основными субъектами российского хозяйствования в современном и ближайшем периоде.

Такие корпорации должны иметь голос при решении принципиальных вопросов экономического развития не только на отраслевом или региональном уровне, но и на всероссийском. В этих целях представители корпораций (трудовых коллективов) могут образовывать специальную комиссию при правительстве страны для решения принципиальных вопросов трудовых отношений или быть делегированными (от трудовых коллективов) в парламентские образования различного уровня. Первое более характерно для западноевропейских стран (например, в Голландии с 1950 г. действует Совет по социально-экономическим проблемам), второе — ближе историческому опыту нашей страны. Таким образом, гражданское общество будет охватывать и трудовой процесс на уровне корпораций.

Литература

1. *Абалкин Л.И.* Политическая экономия и экономическая политика // М.: Мысль. 1970, 232 с.
2. *Абалкин Л.И.* Проблемы современной России // М.: ИЭ РАН, 2011. 110 с.
3. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) // М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 720 с.
4. *Воейков М.И.* Государство как предмет политэкономического изучения. // Вопросы политической экономики. 2018. № 1. С. 35–54.
5. *Долфсма В.* Провалы государства. Общество, рынки и правила // М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с.
6. *Кин Д.* Демократия и гражданское общество // М.: Прогресс-Традиция, 2001. 400 с.
7. *Макки Д.* Спасая демократию от политологии / Теория и практика демократии. Избранные тексты // М.: Ладомир, 2006. С. 272–276.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. ТТ. 1–48 // М.: Госполитиздат. 1955–1974.
9. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. // М.: Экономика, 2000. 878 с.
10. *Мизес Л.* Либерализм // М.: Экономика. 2001. 239 с.
11. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // СПб.: Алетейя. 2002. 320 с.
12. *Сен А.* Развитие как свобода // М.: Новое издательство, 2004. 425 с.
13. *Стиглиц Дж.* Экономика государственного сектора // М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М, 1997. 720 с.
14. *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма // М.: Едиториал УРСС. 2003. 224 с.
15. *Туроу Л.* Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир // Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 432 с.
16. *Хиггс Р.* Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства // М; Челябинск: ИРИСЭН. Социум, 2016. 415 с.
17. *Цаголов Н.А.* Товарно-денежные отношения и планомерно организованное социалистическое производство // Товарно-денежные отношения в системе планомерно организованного социалистического производства // М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 29–74.
18. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // М.: Экономика, 1995. 540 с.
19. *Эрхард Л.* Благополучие для всех // М.: Начала-Пресс, 1991. 335 с.

Mikhail Voeikov (e-mail: mvok1943@mail.ru)

Grand Ph.D. of Economics, Professor,

Head of Sector of Political Economy,

Institute of Economics Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

THE STATE, MARKET ECONOMY AND CIVIL SOCIETY

The article deals with the relationship between the state, market economy and civil society. It is shown that at present the state has become an active economic actor, increasingly covering with its influence various spheres of society's life and, above all, the economy. For this reason, the market economy is shrinking, receding into the background. The influence of civil society is growing, which overcomes the spontaneity of the market element and makes the state democratic. Thus, a modern democratic state can be viewed as an institution of civil society. The development of industrial demo-

cracy and so-called social corporatism is of great importance for the modern understanding of civil society, both becoming its indispensable parts.

Keywords: state, market, market economy, civil society, industrial democracy, social corporatism.

DOI: 10.31857/S020736760022706-5